

В.П. Зимонин,
д.и.н., профессор,
действительный член РАЕН,
заслуженный деятель науки РФ

ФИНАЛ 14-ЛЕТНЕЙ АГРЕССИИ: СССР И ПОБЕДНАЯ ТОЧКА ВО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Долгие 14 лет тянулась агрессия Японии против народов Азиатско-Тихоокеанского региона, приведшая только в Китае, который с первых и до последних дней являлся главным объектом этой кровавой фашистской агрессии, к гибели свыше 35 млн человек¹. Следует с признательностью отнестись к тому факту, что, несмотря на сложнейшие внутренние противоречия в обществе и политической верхушке Китая, все эти долгие годы китайский народ оказывал вооруженное сопротивление агрессору, ограничивая его возможности наращивать усилия на других театрах военных действий.

Начав в 1931 г. первой, еще до прихода Гитлера к власти в Германии, агрессию в Маньчжурии, которая вместе с развертыванием в 1937 г. тотальной войны в Китае, военными конфликтами в 1938 г. в советском Приморье у озера Хасан и в 1939 г. у монгольской реки Халхин-гол стала как бы прологом Второй мировой войны, Япония развернула широкую экспансию в Азиатско-Тихоокеанском регионе, не останавливаясь для достижения своих агрессивных целей ни перед какими преступлениями — то ли вероломное нарушение договоров, то ли геноцид и экономическое ограбление стран и народов, то ли бесчеловечные «опыты» над живыми людьми, то ли каннибализм, то ли превращение в смертников собственного населения и военнослужащих... Трудно подсчитать, сколько еще преступлений совершили бы японские милитаристы, если бы война в зоне Тихого океана шла тем же чередом, что и в предыдущие годы.

26 июля 1945 г. в период работы Берлинской (Потсдамской) конференции руководителей союзных держав три страны-участницы войны с Японией — США, Великобритания и Китай с молчаливого согласия организатора конференции — Советского Союза, не участвовавшего то время в военных действиях против дальневосточного агрессора, обратились к токийскому руководству с Потсдамской декларацией, в которой потребовали от Японии немедленной капитуляции. Это было проявлением зыбкой надежды склонить дальневосточного агрессора к признанию поражения во Второй мировой войне, когда силы Японии еще не были в достаточной степени подорваны. Потсдамская декларация, констатируя готовность союзных государств нанести окончательный удар по Японии, подчеркивала, что военная мощь Великобритании, США и Китая при этом поддерживается и вдохновляется решимостью всех союзных наций вести войну против Японии до тех пор, пока она не примет предъявленных ей условий безоговорочной капитуляции. Проводя аналогию с горьким бесплодным опытом сопротивления фашистской Германии, Потсдамская декларация указывала на неизбежность поражения Японии и призывала ее сделать выбор: будет ли она находиться по-прежнему под властью милитаристов, неразумные расчеты которых привели японскую империю на порог уничтожения, или пойдет по пути, указанному разумом. Предъявляя Японии требования о безоговорочной капитуляции, Потсдамская декларация обращала ее внимание на решимость союзных наций закончить войну в самое ближайшее время². Спустя два дня Япония ответила категорическим отказом принять условия декларации, что вызвало уныние и растерянность в рядах союзников по антияпонской войне.

Это произошло несмотря на то, что после нескольких лет тяжелых военных действий союзное командование с начала 1945 г. прочно удерживало на Тихоокеанском ТВД стратегическую инициативу, эффективно осуществляло блокаду Японских островов со стороны океана. Однако морская блокада и бомбардировки американцами японских городов, на которые в то время уповало военное командование США, не давали скорого эффекта. «Стратегия ограниченных целей» — говорилось в документе Объединенного комитета начальников штабов США, — не дает гарантий в том, что она приведет (Японию. — В.З.) к безоговорочной капитуляции или разгрому»³.

Достаточно прочны позиции Японии были и на сухопутных ТВД, где боеготовность сохраняли несколько миллионов японских войск. Для доведения Японии до полного истощения требовались огромные силы и длительное время. К тому же японцы стали рассредоточивать свою промышленность, строить подземные заводы, усиливать противовоздушную и береговую оборону, проводить мобилизацию всех способных носить оружие.

По расчетам американского и английского командования, для вторжения на Японские острова требовалась 7-миллионная армия. Однако на февраль 1945 г. США и их союзники имели на всем Азиатско-Тихоокеанском театре войны лишь 2458 тыс. человек, 19 300 самолетов и 711 кораблей основных классов, и накопление сил и средств протекало крайне медленно. 6 февраля на втором совещании военных делегаций на Ялтинской конференции начальник штаба армии США генерал Дж. Маршалл заявил, что переброска американских войск из Европы начнется через неделю после окончания войны в Европе, а главнокомандующий ВМС США адмирал Э. Кинг сообщил, что «никакого твердого плана» окончательного нападения на Японию не существует. Великобритания даже после капитуляции Германии в июле 1945 г. заявляла о своей готовности послать для высадки на Японские острова «самое большое три дивизии и позже, возможно, еще две» и разместить на Окинаве в октябре 1945 г. две и в начале 1946 г. десять эскадрилий авиации. В противоположность этому, по оценке У. Черчилля, в метрополии находилась «хорошо обученная, хорошо вооруженная и исполненная фанатичной решимости драться до конца» японская армия, имевшая только на главном острове Хонсю более 1 млн человек регулярных войск, не считая многочисленный личный состав военно-морского флота. Всего же на Японских островах в последние дни войны дислоцировалось 3,7 млн военнослужащих⁴.

Исходя из подобных оценок, американский Объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) разработал и 29 марта 1945 г. утвердил план не близкой по времени высадки на Японские острова под кодовым названием «Даунфол», которую предполагалось осуществить в два этапа: с 1 ноября 1945 г. в южной части острова Кюсю (операция «Олимпик»), а затем 1 марта следующего года на острове Хонсю (операция «Коронет»).

Окончание военных действий на островах собственно Японии планировалось, с учетом опыта (на овладение Филиппинскими островами, где оборону занимали лишь 250 тыс. японских военнослужащих, американцам потребовалось более 8 месяцев), в лучшем случае на конец 1946 г., по более глубоким расчетам — не ранее 1947 г., а по прогнозам многоопытного американского генерала Д. Макартура, осуществлявшего общее руководство военными действиями в этом регионе, война, учитывая фанатизм японского солдата, могла бы продлиться еще 5–7 лет: достаточных сил и средств для быстрого принуждения Японии к капитуляции у союзников в зоне Тихого океана не было, да и потери ожидалось огромные. Считалось, что при этом потери американских вооруженных сил составят более 1 млн, английских — свыше 0,5 млн, а японских — 10 млн человек. Учитывая, что общие потери американцев во Второй мировой войне уже составили свыше 285 тыс. человек, из них около 99 880 убитыми (несмотря на довольно низкие цифры потерь по сравнению с другими ведущими союзниками, они были все же для США, не имевших общих границ с противниками и ведших войну вне пределов своей основной территории, весьма чувствительными), военно-политическое руководство США не спешило с началом проведения операции «Даунфол»⁵.

Весь мир ожидал развязки, которая, очевидно, могла наступить лишь с вступлением в войну против Японии Советского Союза, без колоссального опыта ведения крупномасштабных континентальных военных действий которого союзникам не мыслился скорый разгром дальневосточного агрессора.

Меры, способные в максимально короткое время положить конец кровопролитию, были в деталях согласованы как раз на Потсдамской конференции трех великих держав. На конференции в ответ на настойчивые просьбы союзников СССР дал окончательное согласие на вступление в войну против Японии; здесь были определены конкретные сроки и порядок действий Вооруженных сил Советского Союза, их взаимодействие с войсками и силами флота союзников, которые, однако, не отличались активностью.

Таким образом, без вступления СССР в войну рассчитывать на быстрое завершение разгрома противника воевавшим против Японии государствам не приходилось. Вместе с тем опубликование Потсдамской декларации давало Японии (в случае ее принятия аг-

рессором) шанс избежать войны с Советским Союзом. Отказ же 28 июля Японии от капитуляции на условиях Потсдамского ультиматума союзников от 26 июля и даже после применения против городов Хиросима и Нагасаки (соответственно 6 и 9 августа 1945 г.) двух имевшихся в наличии у США атомных бомб «Малыш» и «Толстяк» подтверждал насущную необходимость вступления СССР в войну.

Таким образом, неуступчивость милитаристской Японии оставалась единственной (за исключением объясняющей эту неуступчивость слабости позиций союзников) значительной преградой на пути к скорому достижению долгожданного мира. На Азиатско-Тихоокеанском театре войны создавалась явно тупиковая ситуация, при которой союзники не находили, опираясь только на участвовавшие в вооруженной борьбе в то время силы, быстрого, не связанного с огромными потерями и эффективного решения, ведущего к окончанию военных действий.

Советское руководство приняло в этих условиях тяжелое, но единственно верное решение: еще не залечив раны войны с нацистской Германией, вступить в ответ на многочисленные предложения союзников, в том числе на Тегеранской, Ялтинской и, наконец, на Потсдамской конференциях великих держав, спустя три месяца по ее завершению в войну против Японии, ставшую логическим продолжением Великой Отечественной войны, и, говоря языком современного международного права, принудить агрессора к миру. А для этого нужно было разгромить мощную миллионную группировку японских войск в Китае и Корее, лишив Японию опоры на континенте.

Возглавить военную кампанию на Дальнем Востоке советское руководство доверило выдающемуся советскому полководцу Маршалу Советского Союза А.М. Василевскому, блестяще справившемуся с поставленной задачей, что не только принудило Японию к скорому принятию условий капитуляции перед союзными державами, но и обеспечило тем самым минимизацию дальнейших преступлений японской военщины.

Современный опыт доказывает, что агрессора целесообразно принуждать к миру в самом начале агрессии, если ее не удастся предотвратить. Эффективность таких действий продемонстрирована на примере пресечения Вооруженными силами России грузинской агрессии против Южной Осетии.

К сожалению, японский агрессор был принужден к миру лишь спустя 14 лет после развязывания Японией первой агрессии, приведшей к созданию марионеточного режима в Маньчжурии в 1932 г. Вместо своевременного пресечения агрессивных замыслов японского руководства, к чему призывал СССР, западные демократии пошли на сговор с ним, проводя политику «умиротворения», названную в 1938 г. «мюнхенской», хотя зародилась она задолго до этого на Дальнем Востоке, и сами стали заложниками своей же политики, в основе которой лежал антисоветизм. История посмеялась над горе-мюнхенцами (точнее — горе-маньчжурцами): и на западе, и на востоке, спасая их, решающий вклад в пресечение германской и японской агрессий и принуждение их к миру внес Советский Союз.

Относительно короткие сроки военной кампании и сравнительно невысокие безвозвратные потери сторон дали повод недобросовестным политикам и «исследователям» для спекуляций относительно величины вклада СССР в усилия союзников по принуждению японского агрессора к миру, которые не прекращаются и в наше время. И, наоборот, вопреки фактам многие американские историки утверждают, что США якобы уже к концу 1944 г. полностью сокрушили военную мощь Японии и что к августу 1945 г., когда в войну вступил СССР, она уже не была способна сопротивляться, ибо был окончательно подорван ее военно-экономический потенциал, истощены военные ресурсы и в основном уничтожены вооруженные силы⁵. Объективный анализ хода событий свидетельствует о том, что в действительности этого не произошло ни в 1944 г., ни, в достаточной для принуждения Японии к безоговорочной капитуляции степени, к августу 1945 г.

Конечно же, уже в начале 1945 г. военно-политическое руководство Японии отчетливо осознавало всю бесперспективность продолжения войны. Понимая, что США с их союзниками в скором времени выйдут на ближние подступы к Японским островам, императорская ставка решила, однако, превратить метрополию, Корею, Маньчжурию и оккупированную часть Китая в «неприступную крепость» с тем, чтобы в случае штурма противник понес большие потери, а значит, и война затянется бы на неопределенное время. Это, по ее расчетам, позволяло избежать безоговорочной капитуляции и добиться компромиссных условий мира.

В конце января командующие стратегическими объединениями вооруженных сил Японии получили повсеместно из Токио директиву, которая гласила: «Императорская ставка предполагает сломить боевой дух врага путем разгрома американских сил вторжения и тем самым обеспечить надежную оборону империи с метрополией, находящейся в ее центре»⁶.

Хотя Япония постоянно поддерживала на театре войны существенное численное преимущество над противником в сухопутных войсках, в ставке и правительственных кругах решили провести тотальную мобилизацию всех, кто только способен держать в руках оружие. Пытаясь придать войне общенародный характер, Высший совет по руководству войной создал гражданский добровольческий корпус — по сути японский вариант фольксштурма. В корпус обязали вступать все население за исключением глубоких стариков, детей, калек, беременных и кормящих матерей⁶. К августу этот корпус насчитывал уже 28 млн человек, а из зачисленных в него военнообязанных были созданы боевые отряды, являвшиеся мощным резервом армии. В сельской местности шло формирование крестьянского трудового корпуса. Для отражения ожидавшегося вторжения противника на Японские острова началось поголовное обучение населения военному делу.

Численность регулярных вооруженных сил выросла к августу до 7,2 млн.⁷ Сухопутные войска Японии включали 4 стратегические группировки: Южную группу армий, Экспедиционные силы в Китае, Квантунскую группировку войск, а также 1-ю и 2-ю Объединенные армии национальной обороны вместе с 5-м фронтом, сосредоточенные в метрополии, на Южном Сахалине и Курилах. На океанских островных территориях и в Юго-Восточной Азии действовали 8-й и 10-й фронты. Крупные силы входили в Объединенную воздушную армию и Объединенный флот ВМС⁸.

Военно-политическое руководство Японии делало все возможное и даже невозможное, чтобы поднять боевой дух военнослужащих. Начались усиленная популяризация самоубийств в случае угрозы плена, поощрение «тактики поголовной гибели», подготовка смертников — летчиков-камикадзе, человеко-торпед («кайтэн») и водителей самовзрывающихся скоростных катеров, боевых пловцов. В конце войны и в сухопутных войсках появи-

лись части и соединения смертников, в основном для борьбы с танками противника.

В США по поводу перспектив ведения войны не было единого мнения. Ставка на действия флота и авиации, чтобы вынудить Японию капитулировать, провалилась и стала квалифицироваться как «стратегия ограниченных целей». Несмотря на крупномасштабность бомбардировок, американская авиация 65% своего бомбового груза сбрасывала не на военные цели, а на японские города.

Военный министр США Г. Стимсон 2 июля 1945 г. в меморандуме на имя президента Г. Трумэна предлагал президенту изыскать такой способ, который принудил бы японские вооруженные силы к капитуляции без насильственной оккупации собственно Японии⁹. Многие военные эксперты сходились в одном: заставить ее капитулировать в короткий срок можно только путем нанесения решающего поражения одной из японских стратегических группировок.

Огромный маньчжуро-корейский регион с более чем миллионной японской группировкой войск, развитой промышленной структурой, богатыми сырьевыми ресурсами и крупными стратегическими запасами являлся важной базой Японии, но одновременно и ее «ахиллесовой пятой», ибо был связующим звеном между метрополией и континентом. В Вашингтоне понимали, что с потерей столь важного плацдарма Япония лишится большей части необходимых для продолжения войны средств и вынуждена будет капитулировать на условиях союзников. Решить эту задачу в короткий срок могли только советские войска, сосредоточенные в непосредственной близости от Маньчжурии и Кореи. Вот почему среди видных военачальников США было немало тех, кто связывал планы завершения войны на Тихом океане с обязательным вступлением в нее Советского Союза. Руководители США и Великобритании понимали, что «если Россия так и останется нейтральной», то «огромная японская армия в Маньчжурии может быть брошена на защиту собственно Японии»¹⁰.

Министерство обороны США не сомневалось в правильности и выгодности¹¹ для собственной страны принятого союзниками 11 февраля 1945 г. в Ялте специального соглашения, предусматривавшего вступление Советского Союза в войну на Дальнем Востоке через 2–3 месяца после разгрома Германии¹².

В ходе работы Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.) мнение американской стороны по этому вопросу не изменилось. Учитывая прочность позиций Японии в метрополии и на континенте, ОКНШ счел необходимым, чтобы «изгнанием японской армии с материка занялись русские». Упомянувшийся генерал Д. Макартур был убежден, что американские войска «не должны высаживаться на острова собственно Японии, пока русская армия не начнет военные действия в Маньчжурии»¹³. Даже перспектива использования атомной бомбы никак не повлияла на позицию президента Г. Трумэна. В своих мемуарах он пишет, что в Потсдаме одной из важнейших для него задач было «получить лично от Сталина подтверждение о вступлении России в войну против Японии»¹⁴.

Поэтому то обстоятельство, что советская делегация в Потсдаме подтвердила намерение своей страны выполнить положения заключенного в Ялте соглашения, было встречено союзниками с удовлетворением.

Квантунская группировка японских войск (*Канто гун*) в Маньчжурии, традиционно ошибочно называемая у нас Квантунской армией («*гун*» в японском военном лексиконе может обозначать и армию, и группировку войск, и вооруженные силы в целом...), фактически являлась самостоятельным крупным стратегическим объединением. Она включала три фронта – 1-й, 3-й и 17-й, отдельную 4-ю полевую армию, 2 воздушные армии, а также Сунгарийскую военную флотилию. Кроме того, в ее распоряжении находились войска 250-тысячной марионеточной армии Маньчжоу-Го и кавалерийские соединения князя Дэвана (Тонлопа) – японского ставленника во Внутренней Монголии¹⁵. Общая численность группировки японских и марионеточных войск к августу 1945 г. превышала 1 млн человек. На своем вооружении она имела 6640 орудий и минометов, 1215 танков, 1907 боевых самолетов и 26 кораблей¹⁶. На Южном Сахалине и Курилах дислоцировалась часть соединений 5-го фронта, штаб которого находился на Хоккайдо и который в случае продолжения Японией сопротивления также мог стать районом военных действий¹⁷.

Сложнейший по своим характеристикам Дальневосточный ТВД охватывал территорию Маньчжурии, Внутренней Монголии и Северной Кореи. Морская часть театра, на которой действовал

советский Тихоокеанский флот, включала бассейны Охотского, Японского и Желтого морей, а также акваторию северо-западной части Тихого океана. В меридиональном направлении ее протяженность составляла около 4 тыс. миль (7,5 тыс. км). Площадь только сухопутной части Дальневосточного театра составляла 1,5 млн кв. км – это территория Германии, Италии и Японии, вместе взятых. Общая протяженность границы, вдоль которой предстояло вести боевые действия советским войскам, составляла более 5 тыс. км (это – более чем два советско-германских фронта).

Японцы в предвидении войны с Советским Союзом заблаговременно оборудовали этот ТВД. Они возвели здесь 17 мощных укрепленных районов, из них 8 – общей протяженностью около 800 км (4500 долговременных сооружений) – против советского Приморья. Каждый укрепленный район простирался от 50 до 100 км по фронту и до 50 км в глубину. Мощные укрепления были сооружены и на Сахалине и Курилах.

Немалые надежды возлагались на организацию партизанских действий на занятой противником территории. Мелкие группы диверсантов из числа белоэмигрантов, а также смертники должны были проводить систематические и с решительными целями «специальные операции»¹⁸.

Квантунская группировка располагала ресурсами, способными обеспечить операции 1,5-миллионной армии¹⁹. «Противостоять превосходившим по силе и подготовке советским войскам» она, по твердому мнению японского командования (об этом говорится в 73-м томе 110-томной японской «Официальной истории войны в великой Восточной Азии»), «была способна в течение года»²⁰.

В этих условиях успех могли принести лишь мастерство и героизм советских воинов, ведомых опытными военачальниками, прошедшими сквозь испытания Великой Отечественной войны.

Маршал А.М. Василевский* обладал природным аналитическим умом, способностью как никто другой проникнуть в суть военных событий, дать им объективную оценку, выработать оп-

* 30 сентября 2010 г. А.М. Василевскому – 115 лет со дня рождения. По инициативе автора данной статьи, нашедшей поддержку со стороны федерального аналитического журнала «Сенатор» и ряда видных деятелей науки, культуры и искусства, 16 мая 2007 г. принято решение Мосгордумы о сооружении памятника маршалу в Москве.

тимальное решение. Как начальник Генерального штаба, представитель и член Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) он проявил выдающиеся способности в планировании и координации военных действий групп фронтов на самых различных участках вооруженного противоборства с фашистской Германией и ее сателлитами. Успешно выдержал маршал Василевский и испытание руководством крупным фронтовым объединением.

Не принижая значения всего этого, все-таки подчеркнем: опыта непосредственного, ответственного руководства действиями стратегических объединений в ранге главнокомандующего у маршала не было.

А тут — новый Дальневосточный театр, только в сухопутной его части превышавший по площади территорию, освобожденную советскими войсками в Европе, новая по сути война, в новых политических условиях, в ситуации, когда для неимоверно уставших от войны народов СССР только-только наступил долгожданный, завоеванный ценой огромных жертв и лишений мир. Совершенно иной была и стратегическая группировка войск — три фронта, флот, пограничные войска, значительные силы авиации и ...полная (подчеркнем: полная) единоличная ответственность за ход и исход этой войны.

Советское руководство, лично И.В. Сталин дали маршалу практически полную свободу действий по планированию и организации разгрома агрессора, и он блестяще справился с возложенной на него миссией, используя для этого весь свой опыт, накопленный в Первой мировой, Гражданской и, особенно, в Великой Отечественной войнах.

Дальневосточная кампания советских Вооруженных сил, без преувеличения, — «детище» маршала А.М. Василевского. Блестящая по замыслу и великолепная по воплощению она стала (да простит читатель за высокий слог) бриллиантом в оправе Второй мировой войны, в каждой из граней которого нашли отражение лучшие достижения советского военного искусства, проявленные в годы Великой Отечественной войны. Сердцевиной этого бриллианта являлась Маньчжурская стратегическая наступательная операция.

Замысел этой грандиозной операции, в разработку которой вложил все свои знания, опыт и талант Александр Михайлович, был до гениальности прост. Два главных (или основных, как их

называет маршал) удара Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов во встречных, устремленных к центру Маньчжурии направлениях, рассекавшие миллионную Квантунскую группировку японских войск надвое. Ряд вспомогательных ударов частью сил этих же и 2-го Дальневосточного фронтов, которые обеспечивали окружение и уничтожение группировки по частям, отсечение ее от войск японских Северо-Китайского и Корейского фронтов, а также воспреещение ее усиления или эвакуации в метрополию²¹.

Но сколько сложнее составляющих нужно было учесть полководцу, чтобы прийти к этой гениальной простоте?! Это и «неприступность» Большого Хингана, и ливневые дожди в Приморье, делавшие непроходимыми десятки рек и болот, и испепеляющий зной пустыни Гоби, и 17 мощных укрепрайонов противника, и огромные размеры фронта, в пределах которого предстояло вести операции. И, наконец, необходимость переброски из Европы на Дальний Восток и слаживания с местными силами более 400 тыс. наших имевших боевой опыт войск, чтобы добиться решающего перевеса сил²²... Эти перевозки войск и техники по своим показателям, пишет А.М. Василевский, «не имели себе равных в истории Второй мировой войны и являлись поучительной стратегической операцией»²³.

А ведь в ходе Дальневосточной кампании предстояло, кроме изгнания японцев из Северо-Восточного Китая и Северной Кореи, освободить исконно русские Южный Сахалин, Курильские острова и, в случае необходимости, провести крупную десантную операцию на один из четырех главных островов собственно Японии — Хоккайдо²⁴.

Неизбежно возникал и ряд деликатных проблем: послевоенное политическое и хозяйственное обустройство освобожденных территорий и работа с большими массами пленных и интернированных японцев.

Но вернемся к теме принуждения агрессора к миру. 8 августа в Москве в 23 часа японскому послу было передано заявление советского правительства. В нем говорилось, что в связи с отказом Японии прекратить военные действия против США, Великобритании и Китая СССР с 9 августа считает себя в состоянии войны с ней. В заявлении указывалось, что этот шаг является «единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий»²⁵.

С наступлением 9 августа передовые батальоны и разведывательные отряды трех фронтов, а с рассветом и главные силы Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов пересекли государственную границу.

Хотя наступление советских войск проходило в условиях ожесточенного сопротивления врага, внезапность и сила первоначальных ударов позволили им сразу же захватить инициативу и сорвать организованное противодействие противника. Уже к исходу шестых суток наступления советских войск Квантунская группировка оказалась расчлененной на части. И все это время маршал Василевский находился в гуще событий в районе штаба 1-го Дальневосточного фронта и руководил войсками оттуда. А в дни, когда тихоокеанцы осуществляли операции по освобождению Южного Сахалина и Курил и готовились к высадке крупного морского десанта на остров Хоккайдо, маршал А.М. Василевский руководил операциями из штаба ТОФ, побывал на кораблях флота²⁶.

Нет возможности в небольшой статье описать весь ход Дальневосточной кампании. Продуманность замысла и проведенная под руководством главкома А.М. Василевского подготовительная работа, умноженные на мастерство и героизм советских воинов, обеспечили, несмотря на упорное, порой ожесточенное сопротивление противника, практически полную реализацию плана кампании менее чем за 4 недели вместо 2 месяцев по предварительным расчетам советского командования, года — по расчету японцев и нескольких лет — по оценкам союзного командования²⁷.

Решительное наступление советских войск заставило императора Хирохито заявить 15 августа по токийскому радио о готовности Японии капитулировать. А продолжавшийся их натиск на противника и организация захвата серией воздушных и морских десантов крупных военных и административных центров в Китае и Корее заставили японское командование начать на рубеже второй и третьей декад августа организованную сдачу в плен своих войск. Было предотвращено использование японцами бактериологического и химического оружия, подготовка к применению которых подтверждена материалами Токийского и Хабаровского процессов²⁸.

Маршал А.М. Василевский принял непосредственное участие в выработке условий капитуляции японских войск и принужде-

нии японского командования к их неукоснительному исполнению. Когда 18 августа воздушный десант был высажен в Харбине, там на аэродроме неожиданно оказался начальник штаба Квантунской группировки генерал-лейтенант Х. Хата. На следующий день Хата был доставлен на командный пункт командующего войсками 1-го Дальневосточного фронта, где маршалы А.М. Василевский и К.А. Мерецков потребовали от него немедленной организованной капитуляции продолжавших сопротивление японских войск и выдвинули конкретные условия их сдачи в плен. Хата в тот же день был доставлен в свой штаб, и с этого времени требования советского командования о капитуляции стали почти повсеместно выполняться²⁹.

Накануне, вечером 17 августа, по этому же вопросу главком направил жесткую по содержанию радиограмму главнокомандующему Квантунской группировкой генералу О. Ямаде с требованием «с 12 часов 20 августа прекратить всякие боевые действия против советских войск на всем фронте, сложить оружие и сдать в плен»³⁰. Ультиматум советского главнокомандующего был подкреплен решительными действиями войск Красной Армии.

Мягкий и интеллигентный человек, каким описывают маршала А.М. Василевского сослуживцы, он мог быть и весьма решительным. Когда, например, встал вопрос о необходимости перенесения боевых действий в Корею южнее согласованной с союзниками еще в Потсдаме 40-й параллели с.ш., главком своим решением перенес линию разграничения на 38-й градус. Американцы, высадка которых в Южной Корее началась лишь спустя неделю после подписания 2 сентября 1945 г. Акта о капитуляции Японии, вынуждены были признать эту разгранлинию де-факто³¹.

Если в Маньчжурии и Северной Корее главной задачей войск маршала А.М. Василевского было принуждение Японии к скорейшей капитуляции, прекращение грабежей, зверств и насилия японских агрессоров по отношению к местному населению и возвращение мира на китайскую и корейскую земли, то последующие операции были нацелены на реализацию ялтинского Соглашения союзников в части, касающейся наказания агрессора за его преступления путем лишения ранее захваченных им у России островных территорий. С 11 августа советские войска и силы флота повели напряженные боевые действия по освобождению Южного Сахалина, а с 18 — Курильских островов.

Военные действия в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курилах полностью завершились к 1 сентября, за день до подписания руководителями уже поверженной Японии Акта о капитуляции перед союзниками по антифашистской коалиции³². Последний очаг Второй мировой войны был затушен, мир восстановлен, агрессор принужден к миру и частично наказан. Это позволило пресечь дальнейшее развитие преступлений японской военщины против мира и человечности, Советский Союз с честью выполнил свой союзнический долг.

Возникает ряд вопросов. Как же так случилось, что Япония без активных действий в то время всех других наших союзников заявила о капитуляции не, в лучшем случае по их расчетам, к концу 1946 г., а через неделю после вступления в войну СССР? Как стало возможным достичь беспрецедентных темпов наступления советских войск?

Лучший, на наш взгляд, ответ дает маршал А.М. Василевский: «Столь высокие темпы наступления наших войск, действовавших на отдельных разобренных оперативных направлениях, обеспечивались тщательно продуманной группировкой войск с учетом природных особенностей местности и характера системы обороны врага на каждом участке, широким и смелым использованием танковых, механизированных и конных соединений, внезапностью нападения, высоким наступательным порывом, решительными до дерзости и умелыми действиями, отвагой и массовым героизмом воинов Советской Армии, пограничников и моряков»³³. Маршал ни слова не сказал о себе, но за всем этим, безусловно, стоит талант и огромное ратное трудолюбие самого Александра Михайловича. Маршал Советского Союза А.М. Василевский был удостоен за Дальневосточную кампанию второй Золотой Звезды Героя Советского Союза. Полководец-герой не тот, кто добивается победы ценой любых жертв, а тот, кто умелыми подготовкой и руководством военными батальями достигает ее с наименьшими потерями. Так вот, общие людские потери советских войск и сил флота в войне с Японией, составившие 36 456 человек³⁴, были в 19,8 раза ниже, чем аналогичные потери японских вооруженных сил, а безвозвратные потери составили менее 0,1% от численности всего личного состава советских войск и сил, принявших участие в кампании (это — абсолютный рекорд по сравнению

с аналогичными кампаниями за все годы Второй мировой войны). Американский ОКНШ на опыте боев за острова Тарава, Иводзима и Окинава рассчитывал положить на алтарь победы над Японией 1,5 млн своих и британских военнослужащих при японских потерях в 10 и более млн человек³⁵. Талант А.М. Василевского помог спасти и эти жизни, предотвратив саму необходимость военных действий на территории агрессора, трагические последствия которых в полной мере ощутил на себе немецкий народ, гитлеровское руководство которого не пошло на капитуляцию.

В любой войне бывают пленные. Оказались в плену и около 640 тыс. военнослужащих, в том числе около 600 тыс. посланных для захвата чужих территорий лиц японской национальности³⁶. А.М. Василевскому с первых дней их пленения пришлось решать вместе с местными органами власти и органами НКВД массу сложных вопросов, связанных с решением судьбы японских военнопленных. Свыше 90% их состава, отбыв разные сроки наказания за преступления страны-агрессора, благополучно вернулись на родину и включились в мирную жизнь. Смертность пленных, содержащихся, по общепризнанным оценкам, даже в лучших условиях, чем жили советские люди в Сибири и на Дальнем Востоке, не превышала естественных для того времени норм убыли населения. Появление значительного числа японских военнопленных, подавляющее число которых вернулись через некоторое время на родину, явилось поэтому гораздо более гуманной альтернативой страданиям и лишениям, которые перенес бы японский народ в случае отказа СССР от вступления в войну против Японии и продолжения ею военных действий в огромном регионе, и особенно на собственно Японских островах.

У Советского Союза была возможность более строго наказать дальневосточного агрессора — оккупировать по предварительному соглашению с союзниками, по крайней мере половину острова Хоккайдо, к крупной морской десантной операции на который шла серьезная подготовка³⁷. И все же высадка не состоялась.

Почему же Ставка ВГК отказалась от высадки советских войск на этот остров? Одной из обычно называемых причин является то, что выраженное И.В. Сталиным пожелание отразить в Общем приказе № 1 союзников положение о том, что в северной части острова Хоккайдо капитуляцию японских войск должны принимать

представители советского командования, встретило 16 августа негативную реакцию президента США Г. Трумэна³⁸. Вряд ли, однако, это имело решающее значение: И.В. Сталин умел добиваться уважения интересов СССР союзниками, если это были интересы, действительно жизненно важные для государства. Главное, на наш взгляд, заключается в том, что оккупация острова Хоккайдо утратила свое военно-стратегическое значение для принуждения Японии к миру. А «кровавый раздел» чужой территории, в чем Советский Союз пытаются обвинить некоторые современные японские историки и официальные лица Страны восходящего солнца, не входил в планы советского руководства.

Таким образом, мощные удары возглавляемых маршалом А.М. Василевским советских войск по сосредоточенной близ границ Советского Союза и Монголии крупной группировке японских сухопутных войск, а также операции на Сахалине и Курилах привели к быстрому разгрому противника, потере им контроля над Маньчжурией, Северной Кореей, Южным Сахалином и Курильскими островами, а главное — к коренному изменению военно-политической обстановки в Азии: агрессор был принужден к миру.

Роль Советского Союза и его Вооруженных Сил во Второй мировой войне, в том числе в разгроме Японии и освобождении народов Азии, получила высокую оценку китайского руководства, военачальников и ученых. «Если бы не существовало Советского Союза, — заявлял Мао Цзэдун, — если бы не было победы в антифашистской Второй мировой войне, если бы — что особенно важно для нас — японский империализм не был бы разгромлен, ...разве мы могли бы одержать победу? Конечно, нет»³⁹. «Советская Армия вступила в Маньчжурию, полностью разгромила и уничтожила Квантунскую армию — оплот японских милитаристов, — признавал прославленный китайский полководец маршал Чжу Дэ, — заставив, таким образом, японский империализм капитулировать»⁴⁰.

Высоко оценено китайскими учеными советское военное искусство в Маньчжурской стратегической наступательной операции. Хуан Юйчжан и другие авторы изданного Академией военных наук Китая в 1984 г. труда «Диэрцы шицзе дачжань 1939—1945» («Вторая мировая война 1939—1945») называют следующие основные черты советского военного искусства: «Принятие всех возможных мер для обеспечения оперативной внезапности, в ре-

зультате чего оперативная инициатива с самого начала военных действий находилась в руках советских войск; создание сильных первых эшелонов для нанесения мощного первоначального удара (до 80% сил и средств, участвовавших в операции); нанесение одновременных ударов с нескольких операционных направлений, сходящихся к центру, при централизованном управлении; высокая организация централизованного тылового обеспечения, несмотря на высокие темпы наступления и оторванность Дальнего Востока от экономических центров СССР»⁴¹.

Можно было бы назвать много примеров боевого содружества советских и китайских войск. В частности, когда в конце июля 1945 г. японские войска окружили в Маньчжурии крупные силы руководимой коммунистами 8-й армии, стремительное наступление советских войск спасло положение. В связи с этим командующий 8-й армией Чжао Вэньцин в письме советскому командованию сообщал: «Мы особенно благодарны Красной Армии Советского Союза. Мы были в исключительно трудном положении. Против нас были сосредоточены намного превосходящие силы противника, который нас окружил, отрезал все пути к отходу и сузил наши возможности маневрирования. Вступление Красной Армии Советского Союза на территорию Маньчжурии 9 августа коренным образом изменило соотношение сил. Мы из обороняющихся превратились в наступающих»⁴².

* * *

Пример вынужденного участия Советского Союза в принуждении дальневосточного агрессора к миру наводит на ряд мыслей, связанных с уроками Второй мировой войны. Один из главных уроков кануна этой войны — нельзя потакать агрессии, «умиротворяя», а точнее — поощряя агрессора к нападению на другие страны, как это было в начале 1930-х годов по отношению к японской экспансии на континент, и в 1938 г., когда состоялся сепаратный мюнхенский сговор руководителей Англии и Франции с Гитлером и Муссолини, в основе чего лежали надежды повернуть агрессоров против Советского Союза и иллюзии стран западных демократий по поводу возможности самим избежать агрессии.

Следующим уроком является необходимость иметь на Евразийском континенте эффективную институционализиро-

ванную международную организацию, способную коллективно решать проблемы комплексного обеспечения безопасности, обладающую правом наложения санкций вплоть до принуждения к миру силой любого агрессора в самом начале его преступной деятельности. К сожалению, все предложения СССР по этому поводу накануне Второй мировой войны были проигнорированы не только государствами-агрессорами, что вполне объяснимо, но и теми же западными демократиями.

Уроком является и то, что и на западе, и на востоке Евразии победные точки в борьбе союзников по антифашистской коалиции с агрессорами поставили воины Вооруженных Сил Советского Союза, который изначально рассматривался и агрессорами, и западными демократиями как основной объект их враждебной политики, но который в конце концов принес многим народам свободу и избавление от фашизма.

В августе 1945 г. ситуация в войне против Японии зашла в тупик: у союзников не было сил для быстрого принуждения агрессора к капитуляции. В этой обстановке лишь Советский Союз был в состоянии, вступив в войну на Дальнем Востоке, принудить Японию к миру. Это было наглядным примером верности союзническому долгу, на которую вскоре соратники ответили развертыванием против СССР холодной войны.

Быстрые и эффективные военные операции против миллионной японской Квантунской группировки войск стали возможны в немалой степени благодаря таланту выдающегося советского полководца Маршала Советского Союза А.М. Василевского, вложившего в их подготовку и осуществление весь свой опыт управления крупными группировками советских войск в войне против гитлеровской Германии и сумевшего не только преподнести союзникам и противнику урок современной организации военных действий, но и кардинально сократить сроки Второй мировой войны и спасти миллионы жизней как союзников, так и агрессора.

¹ См.: Потсдамская декларация 1945 // Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 6. М., 2002. С. 549–550.

² Beijing Review. 1985. May 6. P. 16, 18.

³ The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans, 1941–1945. Wash., 1955. P. 63; Америка. 1985. № 346. С. 16.

- ⁴ См.: *Зимонин В.П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 125; Протокол совещания военных делегаций на Ялтинской конференции. Центральный архив МО РФ (далее – ЦАМО). Ф.113. Оп. 3274. Д. 11. Л. 201, 203, 219; *Churchill W.* The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. N.Y., 1974. P. 536–537.
- ⁵ *Dull P.* A Battle History of the Imperial Japanese Navy (1941–1945). Annapolis, 1979. P. 145, 166; *Maule H.* The Great Battles of the World War II. L.; N.Y.; Sydney; Toronto, 1975. P. 195; War in Asia and the Pacific, 1939–1949: A Fifteen-Volume Collection / Ed. by D. Detwiler, C. Burdick. N.Y.; L., 1980. Vol. 8. China, Manchuria and Korea (part 1). P. 180.
- ⁶ *Хаттори Т.* Япония в войне, 1941–1945 / Сокр. пер. с япон. М., 1973. С. 538–539.
- ⁷ Вторая мировая война: Итоги и уроки. М., 1985. С. 288.
- ⁸ Тайхэйё сэно си (История войны на Тихом океане). Токио, 1958. Т. 5. С. 380–382; *Савин А.С., Носков А.М., Зимонин В.П. и др.* Вооруженные силы Японии: История и современность. М., 1985. С. 301.
- ⁹ Великая Отечественная война Советского Союза, 1941–1945: Краткая история. М., 1984. С. 478.
- ¹⁰ *Spector R.* Eagle Against the Sun: The American War with Japan. N.Y., 1985. P. 552–553.
- ¹¹ *Говард М.* Большая стратегия (сентябрь 1942 – июль 1943) / Пер. с англ. М., 1989. С. 434; Command Decisions / Ed. with Introductory Essay by K. Greenfield. Wash., 1987. P. 503.
- ¹² См: Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании 4–11 февраля 1945 г. М., 1984. С. 254–25; ЦАМО. Ф. 133. Оп. 3274. Д. 11. Л. 233–234.
- ¹³ The Entry of the Soviet Union into the War Against Japan: Military Plans, 1941–1945. Op cit. P. 51.
- ¹⁴ Truman H. Memoirs. N.Y., 1955. Vol. I. P. 411.
- ¹⁵ *Бутурлинов В.Ф., Вартапов В.Н., Зимонин В.П. и др.* Вторая мировая война в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Военно-политический очерк. М., 1989. С. 237; Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в великой Восточной Азии). В 110-ти т. Кантогун (Квантунская группировка войск). Ч. 2. Кантокуэн. Сюсэндзи-но тайсосэн (План «Кантокуэн». Военные действия против СССР на завершающем этапе). Т. 73. Токио, 1974. С. 391.
- ¹⁶ Дайтоа сэно кокан сэн си. Указ. соч. Ч. 2. Т. 73. С. 388–397.
- ¹⁷ История Второй мировой войны, 1939–1945. В 12-ти т. Т. 11. М., 1980. С. 182.
- ¹⁸ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451п. Оп. 5. Д. 72. Л. 22, 115–122.
- ¹⁹ История Второй мировой войны, 1939–1945. Указ. соч. Т. 11. С. 180; *Василевский А.М.* Дело всей жизни. В 2-х кн. Изд. 6-е. М., 1988. Кн. 2. С. 243; *Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М., 1981. Кн. 1. С. 408, 409.

- ²⁰ Дайтоа сэно кокан сэн си. Указ. соч. Ч. 2. Т. 73. С. 383.
- ²¹ Борисов О.Б., Бутурлинов В.Ф., Носков А.М., Щебеньков Ю.М. Победа на Востоке. К 40-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1985. С. 22; Василевский А.М. Дело всей жизни. Указ. соч. В 2-х кн. Кн. 2. С. 243; Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов (август–сентябрь 1945 года): Документальное исследование. М., 1993. С. 126–127.
- ²² История Второй мировой войны, 1939–1945. Указ. соч. Т. 11. С. 193.
- ²³ Василевский А.М. Дело всей жизни. Указ. соч. Кн. 2. С. 244–245.
- ²⁴ Славинский Б.Н. Советская оккупация Курильских островов. Указ. соч. С. 126–127.
- ²⁵ ЦАМО. Ф. 25. Оп. 331. Д. 1. Л. 1.
- ²⁶ Яровиков В.С. Грани военного таланта. О Маршале Советского Союза А.М. Василевском. М., 1985. С. 105–106.
- ²⁷ Дайтоа сэно кокан сэн си. Указ. соч. Ч. 2. Т. 73. С. 383.
- ²⁸ См. об этом: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. С. 161–239.
- ²⁹ См.: Зимонин В.П. Победная точка во Второй мировой войне. М., 2005. С. 70–71.
- ³⁰ Там же. С. 71.
- ³¹ Там же.
- ³² ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 9. Л. 32, 39; Д. 3. Л. 617–618.
- ³³ Цит. по: Зимонин В.П. Последний очаг Второй мировой. Указ. соч. С. 132.
- ³⁴ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: Статистическое исследование. М., 1993. С. 223.
- ³⁵ Relations with China. Reference to the Period 1944–1945. Wash., 1949. P. V111; The Japan Times. 1984. August 15; Stimson H., Bundy M. On Active Service in Peace and War. N.Y., 1948. P. 619; Churchill W. The Second World War. Vol. 6. Triumph and Tragedy. Op cit. P. 545.
- ³⁶ Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 69.
- ³⁷ ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 2, 3, 4, 8, 9 и др.
- ³⁸ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1989. Т. 2. С. 275–286; ЦАМО. Ф. 66. Оп. 178499. Д. 8. Л. 379–380; Д. 9. Л. 61.
- ³⁹ Цит. по: Мао Цзэдун. О диктатуре народной демократии / Пер. с кит. М., 1949. С. 9.
- ⁴⁰ Цит. по: Правда. 21.06.1949.
- ⁴¹ См.: Хуан Юйчжан и др. Диэрцы шицзе дачжань 1939–1945 (Вторая мировая война 1939–1945). Пекин, 1984. С. 505–507.
- ⁴² Цит. по: Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил во Второй мировой войне. М., 1974. С. 425.

В. А. Гринюк,
к.и.н., в.н.с. Центра исследований
Японии ИДВ РАН

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИЯХ ЯПОНИИ С КИТАЕМ

В Совместном заявлении президента Российской Федерации Д.А. Медведева и председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны говорится: «Россия и Китай решительно осуждают попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников».

В свете этого актуальна тема отношения к историческому прошлому в Японии. В данном докладе под исторической ответственностью Японии подразумевается ответственность за агрессивные войны, которые вел японский милитаризм в первой половине XX в., а также ответственность Японии за колониальное господство в отношении народов Китая и Кореи.

Возникает вопрос: почему Япония развязала жестокую агрессию против Китая — страны, которая являлась для японцев источником цивилизации, на протяжении многих веков была донором материальной и духовной культуры? Японские журналисты, авторы опубликованного в 2006 г. обширного исследования «От моста Марко Поло до Пирл-Харбора. Кто несет ответственность?» указывают, что идеологической основой японской агрессии были распространенные в Японии в 1920–1930 гг. представления о Китае как о несостоявшемся государстве. В книге приводится следующее высказывание офицера штаба Квантунской армии К. Исисхара: «Я сомневаюсь, что китайцы способны создать современное государство — уверен, что ханьская раса будет счастливее, если получит возможность дожидаться своего естественного развития, пока Япония будет обеспечивать её мир и порядок»¹.

Объясняя причины формирования у японцев пренебрежительного отношения к Китаю, авторы исследования отмечают, что